

В.А. КУТЫРЁВ¹, А.Н. УВАРОВ¹

¹Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА ФИЛОСОФИИ, ДАЖЕ (ОСОБЕННО) В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Философия предполагает синергетическое, нелинейное (диалектическое) и ценностное видение мира. Под ее юрисдикцию подпадают такие смысложизненные вопросы, как «зачем» и «куда». Однако в пространстве современной западной культуры господствует технологическое, одно(т)актное мышление, принципиально сосредотачивая внимание человека на вопросе: «как». Автор данной статьи рассматривает наиболее опасные заблуждения эпохи постмодерна; одно из них – ползучий отказ от образования, базовым вектором которого традиционно являлось стремление учить мыслить (и не последнюю роль в том играла философия в учебных планах вузов), в пользу программирования сознания, спецификой которого следует полагать тиражирование фактов. В результате современная цивилизация боится, а возможно, уже и не умеет думать о смыслах, даже двигаясь к концу света. Автор усматривает в этом отказ человека от себя как личности.

Ключевые слова: нелинейность, закономерность, технология, оценка, смысл, выбор, человек.

V.A.KUTIRIOV¹, A.N. UVAROV¹

¹ Nizhny Novgorod State University them N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation

THE SAD FATE OF PHILOSOPHY, EVEN (ESPECIALLY) IN EDUCATION

Abstract. Philosophy involves synergetic, nonlinear (dialectical) and value vision of the world. Under its jurisdiction are subject to the meaning of life questions as "why" and "where." However, in the space of modern western culture dominates the technological one(m)comp act of thinking, principally focusing on the human question: "how." author of this article considers the most dangerous misconceptions postmodern; One of them - the creeping abandonment of education, the basic vector which has traditionally been the desire to learn to think (and not the last role is played philosophy in the curriculum of universities), in favor of the programming of consciousness, the specifics of which must be assumed replicating facts. As a result of modern civilization is afraid, perhaps, no longer able to think of ways, even moving to the end of the world. The author sees in this person rejection of themselves as individuals.

Keywords: nonlinearity, law, technology assessment, meaning a choice, man.

Мышление любого человека становится философским, когда он задается вопросом о причинах и концах, основании и целях своей жизнедеятельности и мира в целом. Это мышление о «первой пуговице» (Гете), о том, правильно ли застегнут сюртук в самом начале, и как он будет сидеть, если его застегнуть иначе. Философ видит проблему, где остальным все кажется ясным. Его мышление не технологично по своей сути, ибо он рассуждает о том, где нет или не может быть алгоритма действий и их нельзя просчитать. Когда приходится принимать решения, опираясь не только на рациональные выводы, но и на

интуицию, в неоднозначных и противоречивых ситуациях, при выборе с нелинейными последствиями и влиянии множества факторов, особенно на стадии перехода явлений в новое состояние. Отсюда, как норма, его критицизм и парадоксальность по отношению к привычным, широко распространенным или, напротив, узкоспециальным взглядам. Хотя бы эти взгляды были теоретические и научные. Мудрец не гребец, он сидит на кормовом весле. И даже не ведет несущийся по проложенным рельсам поезд. Он там, где переводят стрелки и ставят тормозные башмаки. Философия не рефлекс, а рефлексия бытия.

В отличие от научного, философское мышление соотносит сущее с должным, давая оценку происходящего. Какой-то процесс может быть закономерным, но необязательно совпадает с благом и пользой. Он может быть добром сейчас и злом позже. И наоборот. Возможна объективная необходимость, с которой надо бороться, которую надо обходить. Философия допускает наличие у человека свободной воли. По крайней мере, как презумпцию. Это ценностное мышление, оно о целях, а не механизмах деятельности, осознание всех форм культуры в их внутренней связи, выражающее «единство истины, добра и красоты». Оно не антинаучно, но и не научно в точном смысле слова, поскольку не инструментально, а экзистенциально, всегда соотносится с человеком, его сущностью и судьбой. Мудрость может быть только антропологической. К ней надо «приводить» остальные формы мысли и прежде всего, когнитивной, технической, цифровой – любые, которые «в целях эффективности» отчуждены от человека.

При таком взгляде на тенденции развития цивилизации постмодерна, можно смело утверждать, что она движется к концу (своего) света. Что разговоры о нем не случайность, а отражение реальных процессов. Она стала без(д)умной, но не хочет знать об этом, боится этого знания, вплоть до фобисофии («ненависть к мудрости»). Потому что господствует технологическое мышление, с предвидением последствий не дальше хода e^{-2} – e^{-4} и все в одном направлении.

Какая самая великая ложь нашего времени? Что потребительскому обществу не хватает продуктов потребления, в то время как оно лопается от их избытка. Собственно говоря, передовая часть человечества живет в раю и сказки стали былью. По улицам носятся сапоги-скороходы, в воздухе летают ковры самолеты, в домах зеркала, в которых можно видеть, что творится в любом конце Земли, в руках волшебные коробочки, по которым можно говорить с кем угодно, когда угодно и т.п. Продуктов производится столько, что около трети из них выбрасываются на свалку, не дойдя до потребителя. Ненасытное символическое потребление. Сверх(пере)потребление. Чтобы у всех как в Америке. Но несложный арифметический подсчет показывает, что тогда на поверхности земного шара не должно остаться живого места. Цель, к которой глобальное мировое сообщество стремится – самоубийственная.

Наконец, оно, это рыночно-технологическое общество приступило к потреблению самих людей. Через рекламную коммерческую эксплуатацию их пороков и страстей, через духовное разложение личности и ее превращение в «человеческий фактор», замену живых социальных связей виртуальными коммуникациями. Однако призывают производить всего и вся за счет окружающей и внутренней природы человека больше. Как можно больше. Ставится задача «оптимизации человеческого капитала» (!- В.К.) любой ценой – культуры, морали, самой жизни (например, возможные следствия заражения естественной флоры

генномодифицированной и, несмотря на официальные запреты, работы по клонированию людей).

Как будто принята идеология устойчивого развития. То есть остановка роста (или нулевой рост, как предлагалось когда-то в докладах Римского клуба) признана невозможной, его конкретные границы установить тоже трудно, однако, в принципе, в общей форме ясно, что скорость перемен не должна быть выше скорости их освоения, а темп развития таков, чтобы не разрушалась система, которая развивается: *sustainable development*. Или, как удачно говорится в одной рекламе: «изменяясь, оставаться собой». Чтобы оставалась система Земли, система природы, система «человек и его жизненный мир». Однако все страны озабочены непрерывным ускорением роста, каждый регион, область, графство ставят задачу развиваться как можно быстрее. Каждый год быстрее. Не думая ни о каких пределах роста. Зачем? Опять для «больше».

Наконец, явочным порядком идеологию устойчивого развития, забывая ее хотя бы минимальный экологический смысл, заменили идеологией новационизма, смысл которой в том, что существующие вещи, любые «системы» априори, по определению являются устаревшими и задача производства, любых наших действий заменять их другими. Под лозунгом: все, что есть, наличествует, уже не нужно. Не бытие и функционирование, а непрерывное реформирование. Все время и везде. Новое ради нового. Самая главная проблема – придумать причину, внушить потребность, что нужна новация. И превратить ее в инновацию. Внедрить. Важно не произвести, это вопрос техники, а продать, навязать. И по сути, то, что делает современная цивилизация, прямо противоположно сохранению ее собственной устойчивости. Сохранению природы, людей, самой Земли.

Устранение человека из всех сфер деятельности, вплоть до автоматизации образования, выдается за абсолютное благо, которое несет прогресс. Конечно, это прогресс, но технологий. Для человека – регресс. Техника так совершенствуется, что человек скоро сможет обойтись без самого себя – иронизировал в конце XX века Станислав Ежи Лец. Теперь, когда человек изгоняется даже из образования, даже из социального патронажа (услуги больным и инвалидам в «передовых» интернатах оказывают «роботы милосердия»!), а в свете дальнейших обещаний прогресса по замене людей во всех сферах деятельности, даже в творчестве, как-то не до иронии. Для тех, кто не загипнотизирован и не уснул, не говоря уже о философском осмыслении событий, она становится горькой, трагической.

Как и с ЕГ-тестированием, внедрением e-learning. ведущими к очевидной деградации мышления (сложность и нелинейность процессов обученный отвечать: да/нет, «по определению» не уловит). Однако оно внедряется под лозунгами перехода к высшему качеству обучения. Борьба за это «высшее качество» привела к тому, что приходится постоянно понижать итоговый балл для свидетельства об окончании школы. Причину зла видят субъективную – в злой воле министров, тупости руководителей образования, подражательстве чужим стандартам, а она глубже: в том, что машины воспринимают только однозначные вопрос/ответы, которые и культивируют тесты. Компьютеры, которыми опосредуется большая часть нашей деятельности, не понимают смысла. Им он не нужен. *На тот же уровень опускается человек.* Технический прогресс, детерминация будущим, которое предстает как целиком искусственная среда, тем самым приобретая постчеловеческий характер – вот подлинная причина регресса человеческого общества.

Формальное, рубрикаторское, клиповое, кроссвордистское мышление без целей и ценностей становится нормой, начинает доминировать. Логос заменяется матезисом. Компьютерная грамотность вытесняет языковую, смысловую, компетентность (знание, где найти знание), собственно(е) знание. В «передовых», дальше продвинувшихся по пути деградации странах, в школах детей перестают учить писать (рукой). Скоро, по-видимому, объявят, что не нужно учить и читать (книги). Потом удивление и жалобы на «функциональную неграмотность», т.е. непонимание того, что читают уже у четверти населения США. Оглупление человека проникает в системы управления, приобретая политически опасный для судеб мира характер (феномен «Псаки» в госдепе США, над которым иронизируют, однако это явление не для шуток, это символический показатель общего умственного состояния современной властвующей элиты). Таково реальное противоречие, которое надо, прежде всего, видеть, признавать, думать и спорить о границах применения тестов, количественного подхода вообще и выделяя, что не подлежит ему, искать компромиссные решения. Вместо этого цифрократия, повальное насаждение компьютерно-дистанционного, в пределе, автоматизированного образования. Учить людей без людей! Для чего, для какой и с кем жизни?

Принимаются любые технические новинки, гаджеты, внедряются универсальные электронные карты (УЭК), которые через 3-5 лет, превратив в чипы, будут вставлять сначала в тело, потом в голову, превращая человека из субъекта в объект (манипуляций) и недоробота – и все с восторгом, явочным порядком, без обсуждений и сомнения. Гуманизм, которому клялись и присягали, с вызывающей оторопью и изумлением легкостью заменяют его антиподом – трансгуманизмом, хотя еще недавно цитировали Дж. Оруэлла, страшились Големов и Франкенштейна. Великие человеческие ценности: любовь, красоту, искусство, национальные, половые различия, долг и совесть, другие культурные регуляторы социальных отношений заменяются внешним контролем и расчетом. В учебном плане подготовки воспитателей для детских садов стоит предмет: «Технология общения с детьми». В школах хотели бы вести обучение «технике любви». Человек как личность становится традицией, постмодернисты его уже похоронили, притом обманным путем, не попрощавшись. Недостойно.

Даже в частностях: с усердием не по разуму, наплевав на права человека, борются с курением табака, не отдавая отчета, что освобождают место для курения более опасного наркотика – марихуаны. (Табак нервно-физиологический раздражитель эпохи индустриализма, а марихуана нервно-психический, соответствует информационному обществу, но такое понимание было бы вторым ходом мысли, «философией», что привыкших к одно(т)актному мышлению, раздражает). Хотя это подтверждается эмпирически, процесс наркотизации идет буквально вторым валом, по странам, где табак курить перестали. И т.д., и т.п.

Естественно, что цивилизация, ограничивая свое сознание вопросами «как», с неприязнью встречает попытки смотреть дальше своего носа, думать экзистенциально, более глубоко и всесторонне. Часто говорят, что философия предполагает критический подход ко всему. Эта особенность ей приписывается как отличительная в сравнении с другими формами знания. Почему? Можно подумать, что в силу свойств характера тех, кто ею занимается: злые, неудовлетворенные, раздражительные люди. Но дело в особенностях философского подхода: если мыслить не из интересов частных и минуты, а с позиции

целого, думать о перспективах, судьбе и благе человека, то одноактные примитивные мысли и близорукие действия поневоле вызывают отторжение. Их нельзя не критиковать, если действительно выполнять свои профессиональные обязанности. Напротив, носители ограниченного «сознания как» с трудом терпят профессию, предполагающую более фундаментальное и ответственное мышление, избегают его. Как мелкие спекулянты, жаждущие немедленной прибыли, они не любят «длинные деньги», отдачи от которых можно ждать только в будущем. Или вообще не допускают, что жизнь не сводится к выгоде, что «сущее, как говорил Гете, не делится на разум без остатка».

Бояться философии нередко, а может в первую очередь, сами философы, заменяя философствование пересказом из вторых/третьих рук последних достижений науки. Считаю себя при этом очень, очень «современными» и продвинутыми. Ее зады – их передний край. Популяризаторы. Или уходят в чистую логику, когнитивную методологию, стремясь к формализации всего и вся. Произошло сциентистское перерождение философии *intoto*. Вместо критики научно-технологического экспансионизма она превращается в его служанку, «оператора по клинингу». Старательно избегают все более острого, выдвигающегося самой жизнью извечного философского вопроса: куда идем? Страшатся выводов, что же будет с человеком.

И... не страшатся выводов, что будет с человеком. Например, некто, называющий себя философом (докторская степень), с восторгом рас(пере)сказывает об успехах и, правда, еще остающихся трудностях по конструированию гибридов живого и неживого, которые науке предстоит преодолеть. «Чтобы инициировать гибридизацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуального организма, уникальной живой формы на уровень биомассы – сырья для экспериментов и производства новой породы, притом не умертвляя ее, а радикально трансформируя... В низвержении плоти до ресурса и техники ее обработки просматривается стратегия индустриальной капитализации живого» [3, с.29]. Что недавно оценивалось как чудовищное, теперь считается хорошим, ибо «прогресс не остановишь». Куда там злодеям традиционной научной фантастики типа инженера Гарина, да и нацистским экспериментаторам в XX веке в сравнении с все большим числом подобного рода нынешних творцов и жертв инновационной истерии. Как страстно они стремятся к (само)уничтожению людей. Кажется, это их последняя страсть. Как будто мыслят не люди, а «мозги в банке». Предпочитают культивировать «геноцид по-научному», толкуя о жизни в компьютере, превращении в голограмму, «бессмертии» или счастливой смерти. Эвтанизаторы. Слепые вожди слепых.

В вузах философия сохраняется постольку, поскольку человек не до конца перестал быть личностью, особенно те, кто «фулят» и не превратились в чистых технократов, «трансхьюманов», к которым ведет нерегулируемое развитие высоких технологий (может быть в силу остатков советского воспитания). Когда к управлению придут «образованные на тестах», с их однозначным = машиноподобным сознанием, т.е. зомби, которые есть уже среди министров (пока в единичном экземпляре), философия в вузах будет отменена. За ненадобностью: «не рассуждайте, а делайте». Уничтожена и забыта. На Западе, дальше продвинувшемся по пути ликвидации человека как личности, кроме термина «фобиософия» (неприязнь к гуманитарному мышлению), возникло связанное с ним понятие «undead» –

«человек немертвый». Хотя и не живой. Это терминологическая фиксация стихийного движения человечества по пути в никуда. Естественно, без философии.

Для своего выживания мы должны руководствоваться положением философским и на практике: если искусственный мир становится независимым от нас, то и относиться к нему надо как к стихии, требующей рефлексии, законы которого, подобно законам природы, надо познавать и над ними подниматься. «Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от собственной глупости», – отчаявшись достучаться до людей, с горечью говорил А.А. Зиновьев [5, с.521]. Но это не глупость неведения, нехватки знаний. Наоборот, мы тонем в грязевых потоках нового и информации. Противостоять глупости помогает не знание, не поиск дополнительной информации, а мудрость. И если чего человечеству не хватает, так это мудрости. Любви к ней – философии. Использования или не использования знаний, их правильной оценки и соотнесения с благом. «Разум без божьего страха держимый, меч есть от мужа безумна носимый» – это понимал ещереусский христианский просветитель Семеон Полоцкий.

Современное знание, выходя за пределы макромира и восприятия нашими органами чувств, превращаясь в высокие технологии, т.е. становясь «постчеловеческим», является грозным, опасным и при неправильном использовании, особенно людьми, на чьих лицах и в поведении уже проступают роботообразные маски, смертельным. Перед применением оно должно пропускаться через «гуманитарные фильтры» и если трансформироваться в инновации, то не по финансовым и эгоистическим соображениям, ради получения прибыли, а исходя из долговременных последствий и подлинного, содействующего продолжению жизни людей блага.

На фронте каждого научно-технического института золотыми буквами должна быть выбита надпись: «Не все, что технически возможно, следует осуществлять». Может быть, сотую часть и сто раз перепроверив. Одновременно, поскольку «мысль не остановишь», надо допустить право на существование игровой науки. Общество вполне может платить ученым как художникам, музыкантам, другим деятелям культуры, откупаясь от них, особенно от их нетрадиционности. Пусть развивается «наука для науки». Пусть проводятся выставки и конкурсы теоретических новаций, без их превращения в инновации. Как «возможная архитектура» и вообще, актуальное искусство, фактически являющееся игрой ума. Прикладной наукой. Они и так сливаются друг с другом. Последним, новейшим критерием ценности новых идей в физике считается не истина или польза, а «интересность». Главное, чтобы они были любопытны и «раздражали мысль». Так пусть адронный коллайдер останется в истории как произведение «научного искусства». Как Парфенон техногенной эпохи. Атомные бомбы, если их удастся не использовать, – тоже. (Любители прекрасного будут ходить на выставку атомных бомб; в Сарове, в музейной форме, я такую видел; они эстетичны; главное, чтобы изобретения были бесполезны). Чтобы они не применялись, а если применялись, то с предельной осторожностью, проходя строжайшие гуманитарные фильтры. Не уничтожив себя ради истины и пользы, люди тем более не должны допустить этого из любопытства. Мы не торопимся к смерти в индивидуальной жизни, не радуемся ей, хотя она предопределена. Такой теперь должна быть модель поведения родового человека. Жить, смеяться и верить как дети, влюбленные, посетители тренажерных залов и косметических салонов: вопреки перспективе.

Опираясь на возможности оценки и выбора, признавая сложный, нелинейный характер развития, нам надо не следовать за прогрессом, а ставить задачу управления им. Общество знания должно стремиться стать обществом мудрости, а человек сохранять и совершенствовать свою личность. «Деградация в новое», в пределе до «пост» всего сущего – таков трагический концепт, которым можно определить состояние современного человечества. Поэтому залогом устойчивости и здорового консерватизма, ввиду сорвавшегося с тормозов инновационного развития – ручного, ножного, а главное, сголовного, условием сохранения самой жизни, должно быть положение: *отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке.* Свобода – не познаваемая (это предпосылка), а преодолеваемая необходимость. *Controlled development* (управляемое развитие) – девиз, руководствуясь которым можно попытаться избежать превращения Genus Homo в «постчеловека», а значит и конца его/нашего света/мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Мир. СПб(б), 2007.
2. Вирилио П. Стратегия обмана. Информационная бомба. М., 2009.
3. Галкин Д.В. Искусственная жизнь как низвержение плоти: стратегии гибридизации // Вестник Томского государственного университета. 2013. №370.
4. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. №3.
5. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.
6. Кутырев В.А. Время Mortido. СПб(б), 2012.
7. Лем Ст. Сумма технологии. М., 1968.
8. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
9. Осипов Ю.М. Эпоха постмодерна. М., 2004.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

REFERENCES

1. Bibihin V.V. *Mir* [Peace]. St.Petersburg, 2007. (In Russian)
2. Virilio P. *Strategija obmana. Informacionnaja bomba* [Fraud strategy. Information bomb]. Moscow, 2009. (In Russian)
3. Galkin D.V. *Iskusstvennaya zhizn' kak nizverzhenie ploti: strategii gibrizatsii* [Artificial life as the overthrow of the flesh: hybridization strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 370. (In Russian)
4. Gurevich P.S. *Fenomen deantropologizacii cheloveka* [The phenomenon of human deantropologizatsii]. *Voprosy filosofii*, 2009, no. 3. (In Russian)
5. Zinov'ev A.A. *Faktor ponimaniya* [Understanding the factors]. Moscow, 2006. (In Russian)
6. Kutyrev V.A. *Vremya Mortido* [Time Mortido]. St. Petersburg, 2012. (In Russian)
7. Lem St. *Summa tehnologii* [The amount of technology]. Moscow, 1968. (In Russian)
8. Losev A.F. *Filosofija. Mifologija. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, 1991. (In Russian)
9. Osipov Ju.M. *Jepoha postmoderna* [Postmodern]. Moscow, 2004. (In Russian)
10. Fukujama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, 2004. (In Russian)

©Кутырев В.А., Уваров А.Н.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кутырев Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

Уваров Андрей Николаевич – аспирант кафедры истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kutyrev Vladimir - Ph.D., professor of history, methodology and philosophy of science, Nizhny Novgorod State University. NI Lobachevsky, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Uvarov Andrei - graduate student of history, methodology and philosophy of science, Nizhny Novgorod State University. NI Lobachevsky, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*